

Подследник

Мы все эмигранты, какой, не припомню, страны.

И рады бы съехать, да только откуда съезжать?

Ушла из-под ног, даже топи её не видны.

«Ни пяди!», – кричали. А где эта самая пядь?

Похоже, она-то – во лбу или там, под стопой, –

куда-то свезла нас, но мы позабыли – куда.

На пермских столбах территорией стала любой
подследника, что соскользнул без следа...

Отыщем подследник своей безымянной страны!..

К Ирине Гостищевой в гости поедем опять:

а ну обозначься хоть в образе красной цены,

поганая пядь!

На пяди поганой дай пять, мой дружище, но вспячь –
ни шагу. Вгрызёмся. Цена-то и вправду красна:
наутро узнать, что тобой приведённая блядь –
жена...

Россия!.. Как россыпь разорванных чёток собрать...
Иначе не вспомнить молитвы колодезного вкуса.
Прости за семь пядей, за эту поганую пядь,
за слабую нить для намоленных бус.

Ноша

Я продолжаю нести бытиё
братцев моих наречённых
и умерщвлённых во имя Твоё
в мире с прихватцами зоны.

Так продолжал, не вбирающий в толк,
что продолженье нелепо,
братские узы крепить Святополк,
сдавший Бориса и Глеба.

Вот и ко мне, словно я виноват,
снова из врат погребальных:
– Только откинулись – выручи, брат! –
Глеб и Борис подгребают.

Может, я тоже какой Святополк
Толе, Володе, Серёже,
раз меня каждый откинутый волк
изобличает по роже?

Мы выходили на общий балкон
порознь, попарно и вместе,
ну а Володя Сарапулов, он
вырвался первым в безвестье.

Култышев Толя – вторым. А Сергей
Нохрин был третьим. Безвестье

больше, чем весть, зазывает людей.
Сделайте вылазку – взвесьте!

Я же давно уже взвесил. И мне
застить собою зазорно
то, что звучит на безвестной волне, –
флейта? А может, валторна?..

То наречённые братцы мои,
то их приبلудные братцы
сквозь восходящие тучи молитв
к миру не могут прорваться.

Ода Тарковскому Третьему

Лишь Миша Тарковский не предал меня...
Пришёл в эту «Юность» – и прямо со входа
сморозил: – В Москве наступила фигня!
Зачем вы изгнали того, кто два года
на стульях на сдвинутых спал здесь? Не те
в Москве остаются... И я не останусь...
И вирши забрал свои, будто в Бахте
дверями избушки бабахнул, повстанец!..

Лишь Миша Тарковский в три года разок
с мобилы подсаженной («Что за Царьковский?!») –
мне – мама. – «Ну как же, – соболий царек!»)
звонит мне из поезда: «Юрка, перцовки!..»

Лишь Миша Тарковский, надравшись в Москве,
в Перми похмеляется, а к Енисею
грозит корефанам: «Самцы, я трезвею!» –
ступает на берег с царьком в голове:
Тарковский в бразды принимает Расею.

Он вывернул мехом наружу отъезд
смятенного дяди, он деда подправил –
фамильный, на Запад повёрнутый крест,
на равные доли отверженных мест
к Востоку, в чалдонские сны переставил.

Где соболев в соборе сибирской зимы
поклоны кладёт пред иконкой капкана,
где прикорм в чулках убегает с кормы,
где Карна и Жля, где меняется карма,
да так, что ни тройка строптивых коней
в своей многолюдно описанной пляске –
Расею и Духа Святаго над ней
Тарковский в собачьей вывозит упряжке.

– Давай, Михаил, вывози! – Вывожу!
– А я уже выпал... Я дальше не еду...
– Зачем же ты выпал? – Я дяде и деду
твоим всё-всё-всё про тебя расскажу...

Фляжка

*Олегу Воробьеву
и его «подельникам»*

Страна читает их романы,
а он доносы их читает.
ОМОН смотрел его карманы –
он паспорт фляжки предъявляет.

Из неподложной фляжки этой
и я отхлебывал, бывало.
Между романом и наветом
душа лишь фляжку выбирала!..

А те, кто вышли в романисты
поднаторелые, едва ли
доносов юных и пречистых
сильнее что-то написали.

Я на странузираю косо:
а может, есть иные страны,
в каких читают их доносы,
а он читает их романы?..

Луна уродцев

Нас мучают уродцы сна...

Едва заснут уродцы бденья –
большая, красная луна
переполняет сновиденья.

И мочевого пузырь луны,
как будто притча во языцех,
диктует нам такие сны,
что впору Господу молиться!..

Красна ущербная цена
луны в смятенной звёздной смете:
когда не спят уродцы сна,
уродцы бденья спят, как дети.

Избранные

Ю. Кублановскому

Откупился «Избранным» своим.

Пить не стал, хоть видел: я принёс.

И побрёл я, «Избранным» гоним,
аки пёс.

Он-то для себя уже решил,
что моим корявинам не быть.

Посему недальновидно пить
ароматы квашеных бахил.

Ну а я девицу увидал,
показал ей «Избранное»: «Зырь!»,
засосал с ней, идол и вандал,
добытый для «избранных» пузырь.

Змеи и змеёныши – в Москве!

Сразу бы сказали: «Отвали!»

– Я бы напечатала твои..., –
молвила она в одном носке.

И Святой парил над нами Дух,
и с сумой мы двигались в умы,
и читали «Избранное» вслух,
потому что избранные мы.

Сон о раздвоении Москвы

Пока Москва с Москвой пластается,
Россия крепко спит, как старица.
Не тронь её в блаженном сне.
Не то проснётся с перепоею:
– Москва пластается с Москвою?
Пущай пластаются оне!

Пока стенают бондаренки,
швыдкие ножками сучат,
в России спят большие реки
и малые, как дети, спят.
А ну как треснут и расколуются?!
И ледоходом наградят?
Москва – окалина, околица,
а две – околица стократ.
А где калина, горечь, горница –
Россия. А в России – спят.

Так спят!.. А если просыпаются –
на падалицу бошек плятятся:
ого, как палица свистит!
Россия – спящая красавица.
Свою беду она заспит.

Пока одна Москва невинная
другой талдычит, что она
собой пьяна, как смоква винная,
когда другая не пьяна, –
в России, убелённой старцами,
берут за уши пацана
у прозорливого окна
какой-то слепошарой станции:
– Гляди Москву! Их стало две.
ну а когда проснёшься в силе,
чтоб досмотреть свой сон в Москве,
скажи, что мы их отменили.

Я – Божий. Но не раб.
И, хоть не вышел рожей
и на беспутства слаб,
но я – не ваш. Я – Божий.

Не Сын. Но и не раб.
А вы меня – за что же? –
пинком под свой масштаб.
Но я не раб. Я – Божий.

А вы – зелёной лбы,
подставившись под дуло.
И – в Божии рабы
под камнем, чтоб не дуло.

Но соляным столпом
я встану между вами:
вы Господа – рабом,
не Он же вас – рабами?

Ваш Бог, как бык, века
на синих глинах пашет,
и верою в быка
крепки молитвы ваши.

Но Тот, кто пролил Свет,
сам мается без Света.
Бог – тоже человек.
Ему бы – человека.

И я не на этап
приду к Нему, поддатый.
И, ежели я – раб,
скажу: «Не Бог тогда ты!»